

A vertical rectangular image showing a winter scene. In the foreground, a wooden bench is covered in snow. A red scarf is draped over the right side of the bench. The background consists of snow-covered trees and a blue sky with falling snow. The text is overlaid on the image.

ТАТЬЯНА БОЧАРОВА

**ЖЕНЩИНА
В ЛУННОМ
СВЕТЕ**

Татьяна Александровна Бочарова
Женщина в лунном свете
Серия «Детектив сильных страстей»

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=48477594

Женщина в лунном свете:

ISBN 978-5-04-107961-1

Аннотация

После смерти жены Иван потерял интерес ко всему. Перестав следить за собой, он остался без работы и оказался на больничной койке. Казалось бы, надежды нет, но неожиданно для себя Иван нашел новый смысл в жизни. Случайное знакомство с прекрасной незнакомкой, в которую он влюбился с первого взгляда, казалось бы, обещало ему счастье... Вот только эта женщина вскоре пропала, а когда Иван начал искать ее, выяснилось, что ее давно нет в живых! Кто же сводит Ивана с ума – неужели призрак? Или вполне реальный человек?

Содержание

1	5
2	7
3	11
4	15
5	21
6	26
7	32
8	38
9	44
10	49
11	60
12	69
13	72
14	79
15	86
Конец ознакомительного фрагмента.	87

**Татьяна Александровна
Бочарова**

Женщина в лунном свете

© Бочарова Т., 2020

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2020

1

Нина умерла в апреле. Стоял погожий денек. С утра ярко светило солнце, заливались птицы в ветвях старой березы под окнами. Она лежала в постели, маленькая, сухая, точно былинка, глаза ее были открыты и смотрели на Ивана доверчиво и спокойно. Он сидел рядом и подавленно молчал. Он не знал, что сказать.

Нина все понимала. Она понимала, что сейчас ее не станет. Лицо ее было отрешенным и безмятежным. А вчера еще она мучилась от боли, кусала губы, в глазах был страх, страдание.

За ночь все переменялось. Боль ушла, страх тоже. Она позвала Ивана.

– Давай я Борьке позвоню, – предложил он, испугавшись этой внезапной безмятежности и тишины жены.

– Не надо, – попросила она, едва шевеля запекшимися губами, – зачем? Он на работе сейчас. Вечером освободится, придет. А то в выходные.

Иван понял, а вернее, почувствовал, что Нина специально так говорит – она знает, что до вечера не доживет, не то что до выходных. Не хочет, чтобы сын видел ее конец. Тем более Борька не один придет, а с Зойкой, супругой, будь она неладна. Зойка свекровь ненавидит. Зачем Нине в последние свои минуты терпеть рядом эту змеюку?

Иван согласно кивнул и сел возле кровати жены нести свой крест, свою вахту. Оба молчали, одна лежа под одеялом, другой сидя на новом, недавно купленном дерматиновом стуле с металлической спинкой. Каждый вспоминал одно и то же – общую их молодость.

Иван думал о том, как быстро все промелькнуло – каких-то тридцать лет, и нет юности, нет озорной зеленоглазой девчонки с каштановыми кудрями и сочными розовыми губами. Нет весенних пьяных вечеров, поцелуев в сквере на скамейке, сердца, стучащего в груди от оглушительного счастья: «Влюблен! Женюсь!» Куда все подевалось? И почему так внезапно и скоро?

А Нина думала о том, что, несмотря на горькие слезы последних десяти лет, на бедность и безденежье, на тяжкую болезнь, растерзавшую ее плоть, она все же была счастлива. Если б не Ванино пьянство, то и совсем счастлива. Потому что знала твердо – любовь у них была, взаимная, яркая, как в фильмах показывают. А ради любви все можно стерпеть: и нужду, и ссоры, и бегство из дому повзрослевших детей. И даже мужнино пристрастие к алкоголю.

Вот так они молчали и вспоминали, а за окном надрывалась маленькая серая птаха, выводя трели и рулады на старой, выдавшей жизнь, березе, среди ветвей, покрытых набухшими почками, готовыми пустить первую листву...

2

На похороны приехала сестра Нины, Татьяна. Она жила в Минске и была старше Нины на пять лет, но выглядела гораздо моложе нее. Татьяна поселилась у них в квартире, хлопотала, звонила непрерывно по телефону, по-хозяйски гоняла Ивана, Борьку и даже Зойку. На кладбище она тоже всем заправляла, а уж на поминках и вовсе чувствовала себя генералом.

Сам Иван казался себе маленьким и ничтожным, и ему хотелось стать еще более незаметным, залезть под стол и спрятаться там от сочувственных и одновременно осуждающих взглядов родни и друзей. Он смотрел на большой портрет Нины, стоявший в торце стола, перевязанный траурной лентой. На нем жена, молодая, белозубая, смеялась, словно давая понять Ивану: все в этой жизни преходяще, не стоит так уж убиваться.

Иван наливал стопку за стопкой, ему не хотелось смотреть на Нинину улыбку. Нина давно не была такой – ослепительно красивой, полной сил и юного задора. Она была худой и угасшей, с пожелтевшим лицом, воспаленными глазами, тихим голосом. Но именно это была его Нина, та, которую он держал за руку во время ее последнего вздоха...

Поминки Иван запомнил плохо. Все утонуло в хмельном угаре. Дней пять или больше он не просыхал, а когда очнул-

ся – за окном было темно, а кругом тишина. Иван, с трудом заставив тело шевелиться, сел на диване. Где все? Где Борька, Зойка, где Татьяна? Бросили его одного в горе и беспомощности, гады.

– Борька-а, – позвал Иван и не узнал своего голоса, надтреснутого и едва слышного. – Борь, ты где? Плохо мне, сынок...

Ивану действительно было хреново: голова точно свинцом налита, в глазах тошнотворная зелень, под ложечкой тянущая тупая боль.

– Борька-а...

– Ну чего ноешь-то? Иду я, иду, – послышался спокойный голос.

В комнату зашла Татьяна.

– Проснулся? – Она укоризненно покачала головой. – Свинья ты, Ваня, какая же свинья! Тебе лишь бы водку жрать. Ниночки нет, царствие ей небесное. – Татьяна всхлипнула и перекрестилась. – А у тебя все одно на уме. Эх... – Она безнадежно махнула рукой.

Иван между тем заметил цепким натренированным взглядом в другой ее руке поллитровку. Славная Танька баба, понимающая, не даст пропасть родственнику.

– Танюш, вот те крест, завяжу я. – Иван нетвердой дрожащей рукой положил знамение. – Это ж я от горя. Как я без Ниночки? Что я теперь... – Он не договорил, голос его сорвался, глаза наполнились слезами.

Татьяна вздохнула и, приблизившись к дивану, села рядом.

– Эх, Ваня, Ваня. – Ее теплая мягкая ладонь коснулась его шевелюры. – Ведь неплохой мужик. Как ты так жизнь свою профукал? Все питье твое, будь оно неладно. И Ниночку на тот свет раньше времени спровадил, она-то любила тебя, дурня, переживала, убивалась. Вот и допереживалась...

Они сидели на диване, обнявшись, застыв в неизбывном горе, и молча тихо плакали. Первой пришла в себя Татьяна.

– Вот что, Ваня, ты выпей, опохмелись. Я там яишенку пожарила с колбаской, пойдем, тебе поесть надо. Ты с поминок голодаешь, ничего, кроме водки, в рот не брал.

Иван послушно двинулся за ней в кухню, присел к столу, как всегда, бывало, садился, ожидая, пока Нина поставит перед ним тарелку с едой. И вдруг с новой болью и остротой ощутил – не будет больше он так сидеть, с нетерпением глядя в спину хлопчущей у плиты жены. Никогда больше не посмотрит она на него усталыми и добрыми глазами, не скажет с дружеской усмешкой: «Ну что, папочка, проголодался? А у нас сегодня вареники на ужин...»

Иван уронил голову и уставился в столешницу. Татьяна подала ему скворчащую сковородку и вилку. Иван налил стопку, за ней другую, третью. Постепенно его отпустило, пелена перед глазами рассеялась, тошнота прошла.

– С работы звонили, – сказала Татьяна.

– Чего им? – рассердился Иван. – Могу я жену похоро-

нить, в конце концов?

– Так больше недели уже прошло. – Татьяна грустно улыбнулась.

– Как больше недели? – не поверил Иван. – Я думал, пара дней.

– Завтра девять дней. – Татьяна все так же грустно покачала головой. – Отметим, и поеду я.

– Куда поедешь? – не понял Иван.

– Домой поеду, горе ты луковое. У меня там внуки, огород, хозяйство брошено. Не могу ж я с тобой здесь вечно сидеть да водкой тебя поить.

Иван молча смотрел на Татьяну, не зная, что сказать. Он боялся остаться один в пустой квартире, боялся, что ночью явится к нему Нина и начнет упрекать, что не берег ее при жизни. И будет права. Но он же мужик, не пацаненок, чтобы вцепиться в Татьянину юбку и просить не уезжать, не бросать его.

– А на работу сходи, – проговорила Татьяна, забирая пустую сковородку. – Там сердятся уже, говорят, подводишь ты их, заказы срываешь.

– Схожу. – Иван обреченно кивнул.

3

Назавтра он принял душ, долго брился, придирчиво разглядывая свое опухшее и красное лицо в круглом зеркале над раковиной. Надел чистую рубашку, аккуратно причесал влажные волосы. Снова оглядел себя в зеркале, уже в стенном шкафу.

Нина всегда говорила, что Иван не выглядит на свой возраст. Она была права. Может, дело было в его поджарости или в густых, без единой проплешины, волосах, доставшихся ему по наследству от деда и отца.

Так или иначе, никто Ивану не давал его пятидесяти двух. Вроде нестарый совсем мужик, вот только по лицу видно, что злоупотребляет алкоголем. Нина рядом с ним последние годы выглядела значительно старше, хотя была моложе на четыре года. Иван на всякий случай втянул еще больше и так плоский живот, приосанился, расправил плечи. Зачем-то откашлялся и поехал к начальству на разборки.

Фирма, в которой он работал электриком, находилась недалеко, шесть остановок на автобусе. Иван ехал и смотрел в окно. Вот уже почки сменились первыми зелеными листочками, и травка молодая вовсю зеленеет. И солнышко так ласково светит. А Нины нет. Как так? Как может быть, что он – вот, едет себе, глядит на солнце, на птичек, прыгающих по асфальту, а она не видит всего этого, не слышит веселого

звона трамвая, капель первого весеннего дождя, ничего, ничего не слышит и не видит...

Он едва не проехал свою остановку, задумавшись. Выскочил из дверей, споткнулся, больно подвернув ногу. Тихо, сквозь зубы, выругался и почувствовал, как его неудержимо тянет выпить. «Потом, вечером, – успокоил он сам себя. – Схожу по заказам, денежку заработаю. А вечером можно. Как раз девять дней».

Начальник смотрел на Ивана равнодушно и одновременно нетерпеливо.

– Как уволен? – Тот ничего не понимал. – Объясните, за что?

– Что тебе объяснять, Андреев? Мы в твоих услугах больше не нуждаемся. Ждать, пока ты выйдешь из запоя, у нас нет ни времени, ни денег.

– Но у меня жена... да как вы... как не стыдно вам! Я жену похоронил, девять дней сегодня... – Иван почувствовал, как к лицу прилила кровь.

– Сочувствую твоему горю, Иван Палыч, но у нас частная фирма, тут каждый день год кормит. Клиентов терять никак нельзя, а ты подвел. И хоть бы предупредил, позвонил.

– Я звонил! – Иван задохнулся от гнева и несправедливости.

– Какое там. – Начальник махнул рукой. – Мы тебе звонили, ты трубку не брал. Да если б это первый раз было, Андреев! Так ведь не первый. И не второй. Иди. Ступай с бо-

гом, а горю твоему мы соболезуем.

Иван хотел возразить, внутри у него все клокотало от боли и ярости. Но неожиданно он почувствовал, что не может ничего сказать. Да, действительно периодически он не выходил на работу. Срывался на неделю, потом еще несколько дней приходил в себя. Его терпели на фирме, потому что специалистом в своей области он был хорошим. Терпели, терпели, да и надоело. Когда-нибудь всему приходит конец.

– Ладно, – хрипло проговорил Иван и взялся за дверную ручку. – Ладно, вы еще пожалеете. Еще просить будете, чтобы я вернулся. А вот вам! – Он показал начальнику кукиш.

Тот пожал плечами, все так же равнодушно глядя куда-то мимо Ивана. Он вышел в коридор и с силой захлопнул дверь, вкладывая в этот хлопок всю свою злость и боль. Рванул туго затянутый галстук – вот дурак, еще и удавку с утра повязал. Он шел, прихрамывая, по длинному узкому коридору и говорил сам с собой. Нет, не только с собой, еще и с Ниной. «Так-то они со мной, – жалобно шептал Иван, – разве я заслужил? Столько лет верой и правдой! И руки у меня золотые, сам начальник сколько раз говорил!» А голос Нины в его голове отвечал мягко и печально: «Но ты ведь понимаешь, что прав он, твой начальник. Кто будет пьянство терпеть? Никто. Сам виноват».

Так, споря сам с собой, он дождался автобуса, доехал до своей остановки и тут же зашел в «Пятерочку». Татьяна увидела его, нагруженного пакетами с бутылками, и всплеснула

руками.

– Ты что это, Ваня! Куда столько водки?

– Так ведь девять дней!

Иван торопливо протиснулся мимо нее в прихожую. Руки его тряслись от нетерпения. Скорей, скорей, чтобы ничего не помнить, чтобы все забыть, и начальника, и зеленую травку, и, главное, это проклятое сияющее солнце...

4

На следующий день Татьяна уехала. Перед тем как отправиться на вокзал, она долго плакала, глядя на бесчувственного угрюмого Ивана. Позвонила Борису.

– Ты ж смотри, отца не бросай. Болен он. И с работы его выгнали. Помогайте ему, навещайте.

Борька промычал что-то невразумительное в ответ. Трубку тут же выхватила Зойка:

– Вон как, он пьет, а мы должны ходить за ним да приглядывать! Еще, может, и содержать его на свои кровные? Вот если б он квартиру на нас отписал, тогда да, конечно. Зачем ему одному целая трешка? Что он в ней делать будет?

Татьяна послушала, плюнула и в сердцах бросила трубку. Окинула последним взглядом Ивана, пробормотала: «Эх, бедолага» – и, подхватив чемодан, уехала.

Вечером Ивану позвонила дочь Маша из Сан-Франциско. Маша была замужем за американцем, звонила редко и никогда не приезжала, объясняя это тем, что билеты дорогие, все они в своем Франциско сильно заняты, да и не принято среди американцев много общаться с родственниками. Вот и на похороны матери Маша тоже не приехала, а Иван ждал ее, надеялся. Думал, внучку привезет, Юльку, ей шесть будет осенью. Они с Ниной только по скайпу ее и видели, а живую ни разу.

– Привет, пап, – бодро проговорила Маша. – Ну, как ты там?

Он только что принял очередные сто грамм, поэтому в жилах его приятно бурлила кровь, а язык слегка заплетался.

– Доча! Здравствуй, доча! – пропел в телефон Иван. – Я ничего. Держусь. – Он икнул и прикрыл трубку рукой.

– Снова выпил? – укоризненно произнесла Маша. – Даже сейчас не можешь удержаться? В такое-то время.

– Молчи, доча! – Иван погрозил трубке пальцем. – Ты... что ты понимаешь! Сидишь там у себя в Америке, едрить ее... а мамка умерла, нет ее больше. Понимаешь, нет мамочки нашей...

Тут Иван снова заплакал, хлюпая носом и отирая слезы, катящиеся из красных глаз.

– Ты держись, пап. – Голос Маши смягчился. – Не пей. Заботься о здоровье. Я... я, может, приеду скоро к вам. Если получится.

– Приезжай, Марусенька, приезжай! И Юленьку привози! Вы теперь все, что у меня осталось. Борька со своей стервой Зойкой только и ждут, чтобы я вслед за Ниночкой отправился.

– Что ты такое несешь, пап! – Маша едва слышно вздохнула. – Связь дорогая, не могу больше говорить. Давай, не глупи. Целую.

– Целую, доча!

Она выключилась. Иван налил еще рюмку, закусил вче-

рашной оладушкой, испеченной Татьяной. Сел на диван, уронив руки.

Вот она, жизнь. Никому не нужная, пустая и одинокая жизнь. Детям он без надобности, Нинки нет. Работы нет. Деньги еще пока есть, что-то откладывали они с Ниной, но скоро и они закончатся. И хоть волком вой в четырех стенах – на помощь никто не придет.

Иван поколебался и набрал давнего армейского приятеля Семена. Раньше, в молодые годы, они близко дружили семьями. Потом Иван стал пить, а Семен, напротив, преуспел, организовал свой бизнес, фирму, предоставляющую ремонтно-бытовые услуги. Пути их разошлись, но несмотря на это периодически они перезванивались и иногда, правда редко, встречались пропустить по пиву.

– Здорово, Палыч! – приветствовал Ивана Семен. – Как жив-здоров? Про Нину твою в курсе. Соболезную. – Семен деликатно покашлял в трубку.

– Если честно, Сэм, хреново жив. – Иван тяжело вздохнул.

– Ты давай, держись, старик! Раскисать нельзя.

Иван поморщился. Как же все они достали его с этим «держись». Неужели нет какого-нибудь другого слова для таких случаев?

– Вот что, Сэм, поперли меня с работы. Так что я, как говорится, в свободном полете.

– Как поперли? – удивился Семен. – За что? Небось за пьянки твои вечные?

Иван подавленно молчал.

– Я так понимаю, тебе помощь нужна? – спросил напрямую Семен.

– Если можно, – неловко пробормотал Иван. – Может, у вас там нужны мастера?

– Не, братан, у нас полный комплект. Но ты погоди, не переживай. Я что-нибудь придумаю. Перезвоню тебе через денек-другой. Деньги-то есть у тебя?

– Пока есть.

– Ну вот и славно. Ты смотри там, меру знай. Горе горем, а так и белочку словить недолго.

– Ну что ты, я ни-ни, – пообещал Иван.

– Знаю я твое ни-ни, – вздохнул Семен. – Ладно, на связи.

Иван отложил телефон, подумал и налил себе еще стопку. Он сидел и вспоминал, как они с Ниной радовались, когда Маша поступила в иняз. До этого она два года занималась с репетиторами, окончила английскую школу с единственной четверкой, все остальные были пятерки. Для их скромной семьи это была победа. Иван и Нина ужасно гордились тем, что дочка выбилась в люди, будет учиться в престижном вузе, общаться с молодежью из высшего общества. И потом, когда Маша окончила институт с красным дипломом и ее пригласили переводчиком в крупную международную компанию, тоже были на седьмом небе от счастья. А напрасно. Именно там совсем юная двадцатидвухлетняя Маша встретила Генриха, солидного тридцатипятилетнего бизнесмена

из Штатов. Он увлекся, потерял голову. Вот тут Нина и Иван забили тревогу – разница в возрасте большая, да и неизвестно, что за человек, а уже речь всюю идет о том, чтобы увезти дочь далеко от родительского дома, в Америку. Маша только смеялась, глядя на их волнения и страхи: «Мам, пап, я же не на луну лечу, а в самую лучшую страну в мире. Там все для людей, там возможности другие. Вот встану на ноги, вас туда перетащу. Хоть поживете по-человечески на старости лет!» Нина плакала, Иван угрюмо хмурился и наливал очередной стакан. Борька, тогда еще студент колледжа, как мог, успокаивал родителей:

– Да что вам, пусть едет. Родня в Америке – это же круто!

Вот и вышло, круче не бывает. Маша уехала и пропала. Сначала года полтора скучала по дому, по близким, – звонила, писала, обещала приехать. Потом родилась Юлька – и как отрезало. Редкие звонки раз в месяц, короткие эсэмэски – у нас все в порядке. Не нужны они стали Маше, не нужны. А тут и Борька женился, привел в семью Зойку. И пошло-поехало: скандал за скандалом, ненависть, отчуждение...

Может, с этого все и началось – Иваново пьянство, Нинина болезнь? Каждый нашел свою лазейку, убегая от тоски по их привычному, уютному мирку, который рухнул, разрушился, распался на обломки... Что поделать теперь, прошлого не вернуть. Надо выживать, хотя зачем это – Ивану не совсем понятно. Были бы рядом дети, внуки, тогда ясно. А когда днем и ночью один...

Иван вздохнул, вытер скупую мужскую слезу, набежавшую на глаза, и потянулся к бутылке.

5

Семен обещание сдержал, устроил Ивана в сервисный центр внештатным мастером-электриком. Без трудовой, по договору, на одиночные заказы. Заказы подворачивались нечасто, свободного времени у Ивана оставалось пруд пруди. И это было ужасно. Будь он занят с утра до вечера, может, и не думал бы постоянно о Нине, об обиде, нанесенной бывшим работодателем, о предавших его детях, об одиночестве. А главное – не смог бы беспрепятственно пить. Но Иван был свободен, за исключением тех редких моментов, когда ему звонили и вызывали на объект.

Его захватили тоска и отчаяние. Просыпаясь по утрам в пустой квартире, он лелеял лишь одну мысль – побыстрее приложиться к спасительной бутылке. С ней, палочкой-выручалочкой, жизнь казалась более или менее сносной, но лишь до того момента, когда хмель сходил на нет. Тогда нужно было снова бежать в магазин, покупать волшебное лекарство от лютой тоски. И так несколько раз на дню.

Иван старался не опускаться, следить за собой. Ежедневно принимал душ, стирал и гладил одежду, даже отжимался с гантелями по утрам. Но из зеркала на него смотрел все более затравленный и убитый мужик. Говорить ему было не с кем, и одинокими пьяными вечерами он вспоминал, как они с Ниной душевно беседовали. Сидели на диване перед теле-

визором и болтали обо всем на свете. Как же здорово все это было, а он, дурак, не понимал и не ценил своего счастья. Даже ссоры, которые были у них нередки в последние годы, – даже они сейчас вспоминались с особой теплотой и грустью. Потому что с кем сейчас спорить? Только с зеркальным шкафом в спальне...

В постоянном подпитии дни слились в одну серую, унылую череду. Иван не заметил, как наступило лето, как буйно зазеленели деревья во дворе. Грозы сменялись удушливым зноем, а он все ходил по привычной пыльной дорожке в «Пятерочку» и носил оттуда звенящие стеклом пакеты.

Затем и лето прошло. Пришел сентябрь с освежающей и ласковой прохладой, с чистым голубым небом и тихими дождями. Как-то утром Иван проснулся от сильной боли в животе. Что-то точно ножом буравило под ложечкой, выворачивая нутро наизнанку. Он привычно опрокинул стопку, думая, что это лучшее лекарство от любой боли, но не тут-то было – его скрутило еще сильнее. Задыхаясь от невыносимой боли, Иван с трудом поднялся и, скрючившись в три погибели, побрел в кухню. Залез в шкафчик, где Нина хранила всякие лекарства, разыскал ношпу и кинул в рот сразу две таблетки. Минут через десять ему немного полегчало. Он выпил чаю, принял холодный душ. Проглядел сообщения на телефоне и нашел эсэмэску с заказом. Боль притаилась где-то внутри, оглушенная ношпой. Иван чуял ее, ноги у него дрожали, на лбу выступила испарина. Хотелось при-

лечь. Однако он заставил себя одеться, взять инструменты и поехал на вызов.

Заказчицей оказалась женщина средних лет, которой требовалось всего-навсего повесить люстру. Люстра была китайской, Иван такие терпеть не мог, с кучей дурацких висюлек, листочков, цветочков. Все это надо было собрать, свинтить, а хлипкие китайские детали норовили рассыпаться или согнуться прямо в руках. Он долго и кропотливо собирал проклятую люстру, затем встал на стремянку и стал крепить ее под потолок.

– Как красиво! – залюбовалась хозяйка. – Не зря столько денег за нее отвалила.

Иван хотел сказать, что зря, но сдержался и промолчал. Боль внутри снова начала оживать. Он заторопился, желая опередить ее, обогнать тот момент, когда она станет невыносимой. Стремянка качнулась, рука Ивана дернулась, обломок китайского листочка остался у него в пальцах. Женщина охнула и схватилась за сердце.

– Осторожней! Как же вы так! Это ж денег стоит, такая красота. Что теперь делать?

Иван с неприязнью смотрел на люстру. На его взгляд, отсутствие лепестка нисколько не портило и без того уродливый дизайн. Боль все разрасталась, словно в желудке расправляла крылья гигантская летучая мышь. Он хотел что-то сказать, но вместо слов с его губ сорвался стон. Хозяйка испуганно покосилась на него.

– Вам плохо?

– Нет, все нормально. – Иван из последних сил заставил себя завернуть оставшиеся шурупы и слез на пол.

– На вас лица нет, – недовольно сказала женщина. – И зачем они присылают больных? Только люстру испортили.

– Можно попить? – хрипло спросил Иван.

– Пейте. Вода в графине на кухне.

Он, согнувшись, вышел из комнаты. Добрался до кухонного стола, налил в чашку воды, жадно выпил. Надел куртку, ботинки и нетвердыми шагами побрел вниз по ступенькам. На улице ему стало хуже. Пришлось вызвать такси. Он ехал и кусал губы от боли. Внутри жгло огнем.

– У вас что-то болит? Может, в больницу? – участливо спросил молодой парнишка-водитель.

Иван молча покачал головой и стиснул зубы, чтобы снова не застонать. Едва войдя в квартиру, он набрал Борьку.

– Да, пап, – ответил тот кисло.

– Сынок, что-то плохо мне. Живот прихватило.

– Пить надо меньше, – усмехнулся Борька.

– Я не шучу, Борь. – Иван уже не мог сдерживаться и протяжно застонал.

– Да что там с тобой? – удивленно и испуганно проговорил Борька.

– Что, что, умираю! Вот что! Садись в машину и дуй сюда... – Иван хотел еще что-то добавить, но тут в глазах у него потемнело от всепоглощающей, запредельной боли. Внутри

словно вулкан вскрылся и захлестал раскаленной лавой.

Иван уронил телефон и опустился на пол в прихожей. Последнее, что он увидел, была фотография Нины на комод. Глаза ее смотрели грустно и тревожно. «Вот мы и свидимся», – мелькнуло у Ивана в мозгу, а дальше были непроглядная темень и глухая тишина.

6

Когда он открыл глаза, вокруг был сплошной белый цвет, зловеще яркий, точно вытравленный хлоркой. «Неужели Там так светло?» – это было первой Ивановой мыслью. Вторая была: «Где же Нина?» Он приготовился позвать ее и тут услышал надсадный и хриплый кашель. Кашель был вполне человеческий, мужской, а никак не с небесных пастбищ. Иван с трудом повернул голову вбок, но по-прежнему не увидел ничего, кроме ослепительной белизны.

– О, привет, друган! – отчетливо произнес тот, кто кашлял.

– Привет, – слабо ответил Иван. – А ты где?

– Да здесь я.

Послышался скрип кровати, шаги, и перед глазами Ивана возникло тощее лицо в небритой черной щетине. «Может, это черт?» – с опаской подумал Иван, лихорадочно вспоминая все свои совершенные за жизнь грехи. Вполне возможно, они потянули на ад, особенно пьянство. Вот поэтому и Нину не видать – она-то наверняка в раю...

Черт, однако, осклабился, демонстрируя металлические зубы, и откашлявшись проговорил:

– Серега.

– Серега? – не понял Иван. Черта зовут Серегой?

– Да ты еще совсем того... слабенький. – Щетинистый с

сожалением покачал головой.

– Где я? – жалобно спросил Иван.

– Где? В больнице, где еще. Вчера тебя привезли и сразу в реанимацию. Прободение язвы. – Заросший причмокнул со знанием дела.

Иван молчал, пытаясь определить, где находятся части его тела. Кажется, ноги внизу. Он пошевелил пальцами. Вроде действуют. Теперь руки. Однако правая рука шевелиться не желала. Ее словно что-то пригвоздило, она была мертва и обездвижена. Иван заворочался, пытаясь разбудить руку.

– Эй, тихо ты, малохолный! Это ж капельница. Собьешь, сестра знаешь как ругаться будет.

Иван снова повернул голову и увидел висящий сверху прозрачный пакет. Постепенно он начинал чувствовать тело. Боли не было, на смену ей пришла страшная слабость. Такая, что голову поднять невозможно. Иван тихонько застонал. Серега аккуратно присел рядом на край кровати.

– Операция у тебя была. Антон Александрович сказал – с того света вытянули.

– Кто это, Антон Александрович? – Иван облизнул треснувшие губы.

– Доктор. Заведующий отделением. Человечище! Специалист, каких мало.

Иван кивнул.

– Значит, я тут со вчерашнего?

– Так точно, – Серега улыбнулся своими железными зубами.

ми, – всю ночь оперировали. Только полчаса назад привезли сюда, в палату.

Послышался скрип отворяемой двери, на Ивана дохнуло сквозняком.

– Ну как там наш больной? – раздался веселый молодой голос.

– Он! – шепнул Серега и быстренько слинял на свою койку.

Над Иваном склонился симпатичный мужчина лет тридцати пяти, светловолосый, с хитро прищуренными серыми глазами.

– Ну напугали! – произнес он шутливо-сердитым тоном. – Я уж думал, мы вас потеряем. Такое кровотечение внутреннее открылось... – Он покачал головой в белой шапочке. – Но вы не переживайте, Иван Павлович. Все образуется. Гемоглобинчик мы вам поднимем, посадим вас на диетку, проколем укольчики, и будете как новенький. А вот спиртное придется на время позабыть.

Иван доверчиво смотрел в ясное, открытое лицо врача. Он ему нравился, целиком и безоговорочно. Даже дурацкая и смешная манера говорить в уменьшительно-ласкательной манере о медицинских терминах: укольчик, гемоглобинчик, диетка. Врач подмигнул Ивану, проверил капельницу и широкими стремительными шагами вышел из палаты.

– Видал, какой? – проговорил Серега со своей кровати.

– Отличный мужик, – согласился Иван.

– А то. Его фамилия Трефилов. Он здесь главный на целых два этажа.

– А ты с чем лежишь? – поинтересовался Иван. – Тоже с язвой?

– С ней, родимой, – подтвердил Серега, – здесь таких много, пол-отделения. – Он вдруг скорчил уморительную мину. – Выпить хочется, смерть.

– А нельзя?

– Нет, конечно. Если Антон узнает, вообще убьет. Он нас, алкашей, лечит, с того света, понимаешь, вытаскивает, и все для чего? Чтобы свой желудок водкой разрушать? Для этого?

– Нет, конечно, – охотно согласился Иван.

После пережитого пить ему совершенно не хотелось. Хотелось спать. Закрывать глаза и погрузиться в дрему.

– Эй, спать нельзя, – потормошил его Серега. – У тебя же капельница.

Но тут пришла сестра и капельницу отключила. Иван благополучно уснул, а когда проснулся, у кровати на стуле сидел Борька.

– Ну пап, ты даешь. Я приехал, а ты без сознания на полу. Черный весь. Напугал до смерти.

«Напугаешь вас, – мрачно подумал Иван, – небось обрадовались до чертиков. Решили, что все, кранты».

– Тут тебе Зоя собрала то, что врач разрешил.

Борька деловито стал выкладывать из пакета на тумбочку бутылку воды, банку с каким то слизистым отваром, фрукто-

вую пастилу. Иван вспомнил, что ничего не ел с тех пор, как очнулся после реанимации, но аппетита ни малейшего не почувствовал. Борька налил ему воды, он сделал пару маленьких глотков, прислушиваясь к тому, что происходит внутри. Там было тихо, боль, убаюканная лекарствами, крепко спала.

– Я пойду, – засобирился Борька, – Зоя дома ждет. Завтра на дачу. Ты отдыхай, набирайся сил. Я послезавтра заеду. – Он слегка сжал Ивану руку и ушел.

– Сын? – спросил Серега.

– Ага.

– Красивый. Но на тебя не похож.

– В мать, – тихо сказал Иван.

– А кстати, где супруга твоя? Что не пришла поведать?

– Умерла, – коротко бросил Иван и повернул голову к стенке.

– Прости, брат, – неловко проговорил Серега. – Я ж не знал.

– Ничего.

Иван почувствовал, как наваливается на него привычная тоска. Какая разница, дома он или в больнице – все равно Нину не вернуть, а Борька чужой, Зойкин. А Серега – что Серега, просто посторонний мужик. Ему не понять...

– Так ты из-за нее... – сочувственно произнес Серега. – Будет тут и язва, и инфаркт.

– Хватит с меня одной язвы, – вяло пошутил Иван.

– Вот и молодец, и правильно, – обрадовался Серега. – Го-

ревать долго – это лишнее. Неправильно это. А ты поправляйся, мы с тобой гулять пойдем. Тут парк такой на территории, одно удовольствие. Погода отличная. Ты, главное, на ноги вставай.

– Постараюсь, – пообещал Иван, тронутый его вниманием и теплотой.

Потянулись долгие дни реабилитации. Трефилов разрешил Ивану вставать, потом потихоньку выходить из палаты и гулять по светлому, чисто вымытому больничному коридору.

– Только без фанатизма, – наказал он ему, – чуть-чуть походили и в постельку, отдохнуть.

Иван послушно делал все, как велел заведующим. Минут пятнадцать медленно прогуливался мимо лавочек и кадок с цветами, заглядывал к сестричкам в процедурную, не спеша доходил до буфета, беседовал с буфетчицей бабой Зиной, сухонькой и бойкой старушкой, относившейся к нему с жалостливой симпатией. Муж бабы Зины спился и помер, и она сочувствовала всем больным в отделении, которые страдали от такого же пагубного пристрастия. Выслушав от нее, что пьянство страшный грех и доведет его до могилы, а также получив стакан теплого какао с восхитительно вкусной пенкой, Иван тем же путем шел обратно. Добравшись до палаты, он забирался под одеяло и дремал, а проснувшись, слушал новости или, без особой охоты, играл с Серегой в любимого им «дурака».

Недели через две Иван окреп настолько, что рискнул спуститься вниз и в сопровождении Сереги вышел во двор. По-прежнему ярко светило солнце, стояло чудесное сентябрь-

ское утро. Они немного отошли от крыльца туда, где за асфальтовой дорожкой начинался парк. Листва только-только начала желтеть, а трава еще вовсю зеленела. На большой, обнесенной кирпичами клумбе пышным цветом росли охряно-рыжие бархатцы, окутывая воздух характерным терпким ароматом.

Иван и Серега сидели на скамейке под высоким, раскидистым кленом и молчали, блаженно подставив лица под ласковые солнечные лучи.

– Вот видишь, как все складывается, – сказал наконец Серега. – Уже гуляешь. Тебя еще раньше меня выпишут. Вот увидишь.

Иван кивнул в ответ, продолжая молчать. Он думал о том, что совсем не хочет выписываться отсюда. Тут хоть люди во круг. Кормят сносно. Медсестрички приветливые, если и колят уколы, то не больно. Опять же, Серега рядом, пусть и невеликого ума человек, а тоже живая душа. А дома что? Снова пустота, мысли о Нине да жажда выпивки...

Они еще посидели немного и поднялись в палату. Через полчаса зашел Трефилов.

– Сюрприз! – Он по обыкновению был весел и полон энергии.

Распахнул дверь пошире, и Иван увидел Машу. Та стояла на пороге и смотрела на него, на глазах блестели слезы.

– Папа!

– Доченька! – Иван вскочил, позабыв, что двигаться ему

нужно очень осторожно, и тут же охнул от боли.

– Тихо-тихо, – бросился к нему Трефилов. Бережно усадил на постель. – Сюрприз сюрпризом, а беречь себя необходимо. Подойдите, – велел он Маше.

Та приблизилась к кровати, стояла молча, теребя в руках белый носовой платочек.

– Машенька. – Иван протянул руки к дочери.

Она осторожно наклонилась и поцеловала его в щеку.

– Выглядишь молодцом.

– Когда ты приехала? – Он не верил своему счастью.

– Вчера.

– Юленьку привезла?

– Нет. Джулия с отцом. У него отпуск, и он повез ее к своей родне.

– А разве я не родня? – робко уронил Иван.

– Пап, не надо, не начинай, – попросила Маша. – Там у них свои законы. Приходится подчиняться.

– Ну хорошо, хорошо. – Иван испугался, что она сейчас уйдет. – Сядь, посиди со мной.

– Конечно.

Она придвинула стул и села.

– Ты зачем прилетела?

– К тебе. Боря написал, что ты в больнице. Я сразу взяла билет.

Он смотрел на нее и не мог наглядеться. Красавица. Лицом в него, а обликом все равно в мать. Только бледненькая

да худая. Но все равно хороша, глаз не оторвать.

– Как... как мама умерла? – тихо спросила Маша. – Мучилась она?

– Нет, – твердо ответил Иван. Незачем дочери знать правду о бессонных ночах, уколах, искусанных губах. – Нет, – повторил он, – просто уснула. Тебя перед смертью вспоминала. Не дождалась вот...

Маша вздохнула, из глаз ее полились слезы.

– Ну что ты, ну не надо, не плачь. – Иван обнял ее и прижал к себе, точно ребенка. – Я тебя... я так тебя люблю. Хочешь, бросай свою Америку, приезжайте сюда с Юлей, будем вместе жить. Семей.

Маша улыбнулась сквозь слезы и покачала головой. В дверях показался Трефилов.

– На первый раз хватит, я думаю. Тем более сейчас не время для посещений. Завтра придете.

Маша послушно встала. Поцеловала отца еще раз и вышла из палаты. Серега, заинтригованный, глядел на Ивана.

– Дочка?

– Дочка. Из Америки прилетела.

– Ух ты! Круто. Красивая у тебя дочка. Жена, наверное, тоже была красивая.

– Да, – коротко ответил Иван.

Его грызли обида и тоска. Почему Маша не могла привезти Юльку? Почему не приехала похоронить мать? Где, когда они с Ниной сделали промашку, воспитали детей, которым

теперь не нужны? Вроде ни в чем им не отказывали, водили в музыкалку, нанимали англичанку, зимой бегали всей семьей на лыжах, летом отдыхали на море. Отчего же эта отчужденность и равнодушие?

– Андреев, на укол! – крикнула из коридора сестричка Соня.

Иван медленно и тяжело встал.

– Ни пуха ни пера, – напутствовал его Серега.

В коридоре Иван наткнулся на Трефилова.

– Ну как, рады? – весело спросил его тот.

– Рад, – угрюмо ответил Иван. Доктор посмотрел на него с удивлением.

– Что-то непохоже. А я вам уколы прописал, витамины, поддерживающие иммунитет. Давайте-ка, Иван Павлович, поправляйтесь, нечего у нас залеживаться. Другим тоже нужно.

Иван что-то буркнул в ответ и пошел в процедурную.

– Работайте кулачком, – велела ему энергичная кудрявая Соня и туго затянула жгут на Ивановой руке. – Сейчас будете как новенький, – сказала она и ловко вколола иголку ему в вену. Было не больно, но чуть-чуть неприятно. – Ну вот, – она выдернула шприц, смазала место укола ваткой, пропитанной спиртом, и заклеила пластырем, – порядок. Завтра утром еще один.

– И сколько всего?

– Пока десять дней. А там, как доктор скажет.

– Понятно.

Иван покинул процедурную. Ему показалось, что чувствует он себя значительно бодрее. Идти во всяком случае было легче, и Иван вдруг ощутил, что проголодался. Он добрался до палаты и, достав из холодильника свои нехитрые припасы, соорудил бутерброд с сыром. Сходил в столовую, налил себе кипятка, заварил чаю и, вернувшись, с удовольствием принялся за еду. Серега, глядя на него, тоже захотел подкрепиться.

Они сидели, чаевничали и говорили за жизнь. Иван чувствовал, как обида на Машу постепенно проходит, уступая место радости, что она тут, в Москве, все-таки приехала, не бросила его в трудную минуту. Серега рядом уютно жевал бутерброды, и Иван невольно разоткровенничался, стал рассказывать ему про Нину, про то, как они познакомились, как жили, как внезапно и грозно вмешалась в их жизнь неумолимая болезнь. Серега внимательно слушал, время от времени поскребывая щетинистую щеку и сочувственно кивая.

8

С этого дня Иван стал медленно, но верно идти на поправку. Серегу вскоре выписали, и Иван каждое утро гулял один в больничном парке. Маша приходила ежедневно, приносила полные сумки продуктов, благо Трефилов расширил строгую Иванову диету и разрешил ему питаться разными вкусами.

На место Сереги положили новенького, пожилого лысого мужика с панкреатитом. Лысого звали Николаем, дружелюбием Сереги он не отличался, целыми днями лежал в кровати и смотрел спортивные передачи на планшете или разгадывал кроссворды. Его навещала жена, полная, румяная женщина, пахнувшая крепкими до приторности духами. Она подолгу сидела в палате, что-то шептала мужу на ушко и тонко визгливо хихикала. После ее ухода в воздухе долго витал резкий, тошнотворно-сладковатый запах. Ивана они оба раздражали непомерно. Он еще острее чувствовал свое одиночество и старался уйти из палаты и не возвращаться как можно дольше.

Сентябрь меж тем подошел к концу, зарядили дожди, листья кленов покраснели и начали опадать. Однако Иван все равно шел на улицу. Маша подарила ему зонт, красивый, дорогой, черный с перламутровой тростью, и он часами прогуливался по аллее, топча ботинками золотисто-багряную

листву и разглядывая покрытое тучами небо. Для тех же моментов, когда дождь переставал, Иван облюбовал скамейку недалеко от своего корпуса, крепкую, недавно выкрашенную в зеленый цвет. Это была та самая скамейка, на которой они когда-то сидели с Серегой. Теперь Иван сидел тут один и с интересом наблюдал за жизнью больницы. Мимо проходили больные, особенно много их было почему-то из травматологии – все в гипсах и повязках, с костылями и палками. Днем в обед пробежала стайка симпатичных медсестер, и Иван даже запомнил некоторых по именам. Ближе к вечеру по аллее шли врачи, закончившие дежурство. Они направлялись к стоянке, где были припаркованы их автомобили. Постепенно Иван привык к своему занятию, оно было для него сродни кино и здорово отвлекало от тягостных мыслей...

А потом неожиданно наступило бабье лето. Дожди прекратились, на небе не было ни единого облачка, клены приосанились и передумали терять листву. В один из таких дней к Ивану пришла Маша, и они долго сидели на скамейке, говорили обо всем – о Нине, о Юльке, о Машином детстве.

– Ты только не спеши уезжать, – попросил ее Иван. – Побудь еще немного. Потом ведь неизвестно, когда сподобишься.

– Я не уезжаю, – успокоила его Маша. – Дождусь, пока тебя выпишут.

При мысли о выписке и возвращении в пустую квартиру Ивану снова стало тоскливо. Маша ушла, а он продолжал си-

дочь на скамейке, и в голове у него были невеселые мысли...

– У вас не занято? – Приятный женский голос вывел его из раздумья.

Иван поднял глаза – прямо перед ним стояла женщина, примерно его ровесница или чуть младше. Она была одета в длинный цветастый халат, поверх него – небрежно наброшенная куртка, на ногах уличные туфли без каблука. Лицо у женщины было миловидным, но бледным, под глазами тени, а сами глаза редкого зеленого цвета. Все это Иван успел рассмотреть в одно мгновение, так как незнакомка стояла совсем близко.

– Садитесь, конечно. – Он на всякий случай подвинулся, хотя сидел и так с краю.

Женщина села, закинув ногу на ногу и уронив на колени изящные худые руки с длинными, красивыми и хрупкими пальцами.

– Гуляете? – спросила она Ивана чуть погодя.

– Да, сижу вот.

Он ощущал неловкость и одновременно какое-то странное возбуждение. Незнакомка была явно интересной внешне, в ней чувствовались порода и шарм. Этого никогда не было в Нине, хорошенькой от природы, но простоватой, курносой и широкоскулой. Иван боялся таких женщин, они были ему непонятны и вызывали смущение.

– Правильно делаете, что гуляете, – проговорила незнакомка, – скоро погода испортится и придется целый день си-

деть в палате, а там страшная духота.

Голос у нее был совсем молодой, низкий и необычайно волнующий. Иван, видя такое расположение со стороны дамы, немного осмелел.

– А вы тоже пациентка? – спросил он, стараясь не смотреть так уж в упор на ее правильное, точеное лицо.

– Да. Лежу вон там, – она махнула рукой в сторону соседнего корпуса, – надоело до смерти. Домой хочу.

– А с кем вы дома живете? – неожиданно для себя вдруг спросил Иван.

– Одна живу. С мужем разошлись уже десять лет как.

– Жаль, – проговорил Иван, чувствуя, что ему вовсе не жаль, что у незнакомки нет мужа, а наоборот, этот факт его радует.

– Мне кажется, нам нужно представиться, – сказала женщина и улыбнулась, обнажая чудесные ровные и белые зубы. – Лидия.

Она протянула Ивану тонкую кисть. Он бережно пожал хрупкие пальчики и произнес:

– Иван, – подумал и затем прибавил: – Иван Павлович Андреев.

– О, как официально. – Лидия тихо засмеялась. – А я Лебедева. Лидия Лебедева.

– Очень приятно. – Иван вдруг понял, что улыбается. Кажется, он улыбался впервые после смерти Нины. Впервые за почти полгода.

– Правда, красиво здесь? – спросила Лидия и кивнула на золотые листья клена под ногами.

– Правда, – серьезно согласился Иван. Его разбирало любопытство, и он спросил, поколебавшись: – Сколько вам лет, Лидия?

Она взглянула на него, и в глазах ее было кокетство.

– А вас разве не учили, что женщину неприлично спрашивать о возрасте?

– Такой женщине, как вы, ничего не повредит. Вы... очень красивая, Лидия... Лида, можно так?

– Конечно, можно. – Она подумала и добавила: – Мне сорок пять.

– Я бы не дал вам и сорока, – сказал Иван.

– Спасибо. Приятно слышать.

– Когда вас выписывают? – Он вдруг забеспокоился, что Лидия выглядит вполне здоровой, не считая бледности, и завтра ее может уже не быть в больнице. Она вздохнула:

– Не скоро. Проклятые анализы. Гемоглобин никак не хочет подниматься.

– У меня тоже, – сказал Иван и засмеялся.

Она тоже засмеялась.

– Слушайте, что мы сидим здесь, как два старика? Давайте пройдемся, – предложил Иван.

– С удовольствием.

Они встали и медленно побрели вдоль аллеи. Иван то и дело глядел на хрупкую фигурку в длинном, до пят, халате.

– Вам не холодно? – заботливо поинтересовался он.

– Нет. Наоборот, жарко. Но я вынуждена кутаться, иммунитет на нуле, чуть что, подцепляю простуду.

Они еще поговорили о всякой ерунде – о том, кто сколько здесь лежит, у кого какой врач, как кормят в больничной столовой, за разговорами не заметив, как сделали круг по аллее и вернулись к скамейке. Бледное лицо Лидии слегка порозовело, зеленые глаза блестели. Легкий теплый ветерок растрепал ее аккуратно подстриженные каштановые волосы.

– Как же хорошо вот так поболтать с кем-то понимающим, – призналась она. – В палате все старушки, у них то тут, то там колет, режет, ноет. Ни о чем другом и слушать не могут, как о своих болячках. Скука ужасная.

– Так приходите сюда вечером, поболтаем, – совершенно осмелев, предложил Иван.

Она засмеялась, смех ее был чистым и звонким, точно колокольчик. Потом с готовностью кивнула:

– Обязательно приду.

Он проводил ее до корпуса, посмотрел, как она заходит в стеклянные двери. Постоял немного и пошел к себе.

Он сам себе боялся признаться, что с нетерпением ждет вечера. Ему было стыдно перед Ниной, будто та могла видеть, как он увлекся посторонней женщиной. Да еще какой! Видно же, что Лидия птичка высокого полета, наверняка с образованием, начитанная, умная. Вон и речь у нее правильная, слова выговаривает четко, фразы строит красиво, шутит тонко и изысканно. Ивану нравились ее шутки и весь ее облик, утонченный, меланхолический, такой далекий от его обычной жизни и привычного окружения. Она казалась ему легкой, невесомой, чистой и утешающей печаль, как глоток родниковой воды в изнурительный зной. И такая женщина одна, без мужа столько лет?

Иван едва дождался окончания тихого часа. Пополдничал и вышел во двор. Скамейка была пуста, и он почувствовал укол тревоги. Вдруг Лидия не придет? Может, он не понравился ей, а разговаривала она с ним из вежливости, ясно же, что воспитанная, так просто человека не обидит. Иван подумал, что, если она сейчас не появится, он пойдет в соседний корпус на ее поиски. Только он так решил, как увидел Лидию в конце аллеи.

Она, как и утром, была в халате, но вместо куртки надела теплое пальто, черное, с крупными красными пуговицами. Голову ее украшала задорная беретка. Она неудержимо на-

помнила Ивану Эдит Пиаф, в детстве у него была пластинка, на обложке которой красовался портрет маленькой француз-женки, похожей на воробушка. Ивану нравились ее песни, низкий грассирующий голос.

– Добрый вечер! А вот и я, – весело поздоровалась Лидия. – Ну, что будем делать? Сядем или прогуляемся?

Иван придирчиво оглядел ее наряд на предмет непроницаемости для ветра и вечернего холода.

– Я утеплилась, – доложила Лидия, поймав его взгляд.

– Тогда пойдем. Сходим в кафе, это тут рядом, сразу за оградой.

– А можно? – испугалась она. – Это же за территорией.

– Можно, ничего не будет, – успокоил он ее.

Они, не торопясь, добрались до ворот, вышли на улицу и заглянули в маленькую кофейню, примостившуюся прямо напротив больничной ограды.

– Что вы будете? Чай, кофе?

Иван был необычайно рад, что Маша как раз сегодня оставила ему немного денег, наказав купить себе что-нибудь вкусненькое.

– Кофе. И вон ту корзиночку. – Лидия показала пальчиком в стекло, за которым на полке красовалась свежее пирожное с ягодами и взбитыми сливками.

– Понял!

Иван заказал корзиночку, кофе и зеленый чай для себя. Они уселись возле окна за маленьким столиком.

– Господи, прямо праздник какой-то, – радостно проговорила Лидия, – гуляют со мной, кофе поят. Когда это все было?

– Неужели за вами никто не ухаживал? – не поверил Иван. Ему казалось, за Лидией толпы должны были бегать. Она покачала головой и улыбнулась:

– Нет. Кому я нужна, вечно болеющая доходяга. Вот и муж сбежал, не понравилось ему вечно нянькаться со мной.

– А дети у вас есть?

Лидия на секунду замялась.

– Есть. Дочка.

– Она приходит к вам сюда?

– Редко. У нас... мы не очень ладим.

– Вот и у нас с сыном так же, – признался Иван.

Сердце его тихо трепетало, Лидия вызывала у него щемящую жалость и восторг. Ему хотелось обнять ее, укрыть от ветра и болезней. Оберегать и баловать. И смотреть, смотреть в эти изумрудно-зеленые глаза.

Он собрался с духом и коснулся ее руки. Она перестала есть и вопросительно глянула на него.

– Вы что-то хотели?

– Нет, ничего. Просто мне захотелось до вас дотронуться.

– Я нравлюсь вам? – просто спросила она.

– Очень. Я... никогда не изменял Нине. Никогда.

– Нина – это жена?

– Да. Она умерла этой весной.

– Бедная. Как жаль. – Лидия закусилa губу.

– Вы ешьте, я вас отвлек, – неловко произнес Иван.

– А почему вы вспомнили про жену?

– Потому что... потому что мне не нравилась ни одна женщина, кроме нее. Раньше. Пока я не встретил вас.

– Что же теперь? – Она лукаво опустила глаза и принялась ковырять ложечкой пирожное.

– Теперь мне нравитесь вы.

Иван выпалил это одним духом и замолчал. Она тоже молчала, продолжая терзать корзиночку.

– Я вас обидел? – спросил он с грустью. – Что-то не то сказал? Вы же просто... просто сели на скамейку. Поболтать. Да? А я говорю глупости всякие...

– Ваня. – Голос ее звучал мягко и вкрадчиво. – Простите, что я вас так называю. Мне... очень нравится то, что вы говорите. Ваши всякие глупости. Говорите еще – я с удовольствием послушаю.

– Но вам действительно хорошо со мной? Интересно? Я же неотесанный чурбан в сравнении с вами. И старый уже.

– Нет, вовсе вы не старый. – Лидия наконец расправилась с корзиночной и теперь пила кофе, смешно, малюсенькими глотками, словно птичка.

«Эдит Пиаф», – подумал Иван, и у него закружилась голова.

Она допила кофе и взглянула на маленькие часики на запястье.

– Наверное, пора возвращаться. Уже поздно, врачи будут ругаться.

Иван с неохотой кивнул и встал. Он снова, как и утром, проводил Лидию до корпуса, помахал ей рукой через стеклянную дверь.

Он шел к себе и думал, что многого в жизни не знает, несмотря на солидный возраст. Например, что можно вот так, в одночасье, почувствовать себя живым и молодым, избавиться от одиночества, найти родственную душу и понять это с оглушительной ясностью, даже несмотря на то, что толком ничего не знаешь об этой душе...

С этой мыслью он зашел в палату. Сосед громко храпел. Иван разделся и забрался под одеяло. Сон не шел, слишком велико было возбуждение. Перед глазами стояло лицо Лидии, ее доверчивые глаза, розовые губы, каштановые пряди у виска. Иван ворочался почти до утра, и на рассвете наконец задремал, блаженно улыбаясь во сне, словно влюбленный юноша.

Они стали встречаться на заветной скамейке каждое утро и каждый вечер. Если было тепло, сидели под кленами, если прохладно, гуляли по парку, иногда выходили на улицу и пили кофе в любимившейся им маленькой кофейне. Они так и не перешли на «ты», и Ивану это очень нравилось. Он не желал никуда спешить. Ему хотелось наслаждаться каждым мгновением, проведенным вместе с Лидией, просто смотреть на нее, слушать звук ее голоса, ее тихий, милый смех. Иногда она брала его под руку, и тогда он был на вершине блаженства.

Его поражало в Лидии то, что она напрочь была лишена цинизма, присущего людям их возраста. Обо всем она судила с той наивностью и чистотой, которые бывают лишь в юности. Когда Иван, бывало, жаловался ей на Борьку с Зойкой, а также на Машу, позабывшую родителей в своей Америке, она неизменно с улыбкой успокаивала его, уверяя, что все они желают ему лишь добра. Защищала она от его нападков и неприятливого соседа по палате, и его визгливую супругу, и бывшего начальника, который уволил Ивана за пьянки. Он как-то не выдержал и упрекнул ее в излишней доверчивости, и Лидия просто ответила:

– У меня с детства порок сердца. Врачи сначала говорили, что я не доживу до десяти лет. Потом – что умру рань-

ше, чем мне исполнится двадцать. Затем – что я никогда не стану матерью. Я привыкла радоваться каждому прожитому дню, любое, самое незначительное хорошее событие воспринимать как подарок судьбы. Я просто не замечаю плохого – зачем тратить на него силы и время, которых и без того мало.

Ивана ужасно огорчило то, что она сказала. Он не хотел и думать о том, что Лидия серьезно больна. Быть этого не может – вот же она, сидит рядом на скамейке, глаза ее смеются, на щеках легкий румянец от их долгих прогулок. Иван решил, что Лидия по-женски сгущает краски, преувеличивая опасность и тяжесть своей болезни.

Так пролетела неделя. Трефилов и Маша не могли нарадоваться на Ивана. Трефилов заговорил о выписке. Впервые эта тема не расстроила Ивана. Он больше не боялся одиночества, он знал, чем займется, когда его выпишут – будет ходить в больницу к Лидии, носить ей передачи, фрукты, конфеты, ее любимые пирожные. Будет гулять с ней в больничном парке и ждать, пока она окончательно поправится.

То ли от длительного пребывания на свежем воздухе, то ли от лечения гемоглобин Ивана, долгое время державшийся на низкой отметке, пришел наконец в норму, и Трефилов отменил ему уколы. Иван, радуясь свободе, решил провести с Лидией весь день, накормить ее обедом в их любимом кафе, а после до самого вечера прогуливаться по парку. По такому случаю он с утра примарафетился, сменил старенький спортивный костюм на джинсы и пуловер, которые принес-

ла ему из дома Маша. Тщательно причесался, оглядел себя в крошечном палатном зеркале и спустился вниз. Там он нос к носу столкнулся с Серегой – тот стоял на крыльце и держал в руках пакет с яблоками.

– А я к тебе! – радостно заявил Серега. – Соскучился, брат. Вот, яблочки принес. – Он сунул пакет в руки растерянного Ивана. – Как ты тут? Не выписывают еще?

– Выписывают. На следующей неделе. – Иван постарался скрыть досаду. Лидия наверняка уже ждала его на скамейке, и он не хотел опаздывать ни на минуту.

– Слушай, выглядишь просто отлично, – похвалил его ничего не заметивший Серега. – Прямо помолодел на десять лет. Вот что значит трезвая жизнь! Идем, прогуляемся?

Иван понял, что отвязаться от Серегу не удастся. Да и негоже это, не по-мужски – приятель пришел его навестить, а он слиняет себе к чертям собачьим.

– Послушай, я тебя сейчас с одним человеком познакомлю. Хочешь? – спросил он у Серегу.

– Еще спрашиваешь! Конечно, хочу. Я тут одурел совсем с тоски и скуки. А что за человек? Тоже желудком мается? Небось наш коллега? – Серега весело подмигнул и щелкнул себя по горлу.

– Не коллега, – серьезно проговорил Иван. – И не язвенник. Это женщина.

– Иди ты! – Серега свистнул. – Баба? Так ты тут с бабой познакомился? Вот оно в чем дело! То-то, я гляжу, хвост рас-

пушил, как павлин.

– Ты это, Серег, поосторожней только. Она... как тебе сказать, она мне очень дорога.

– В смысле дорога? – не понял Серега. – Ты бабки на нее тратишь, что ли?

– Эх, Серега. – Иван хлопнул приятеля по плечу и усмехнулся: – Какие бабки? Дорога это значит дорога, душой, так сказать.

– Душой? – Серега почесал затылок. – А телом?

– Иди ты. – Иван сердито плюнул.

– Понял, понял, не сердись, друг. Пойдем, познакомишь меня со своей дамой сердца.

Они спустились со ступенек и подошли к скамейке. Там было пусто.

– Сейчас придет. – Иван взглянул на часы. Лидия должна была быть на месте уже минут пять, а то и больше. – Сейчас.

– Да ты не нервничай так, – успокоил Серега, заметив, как напряглось лицо Ивана. – Придет твоя мамзель. Куда ей тут деваться?

Они сели на лавочку, но разговор не клеился. Иван был как на иголках. Вдруг Лидия пришла пораньше и не дождав-шись его ушла? Замерзла? Или обиделась?

Они прождали еще минут пятнадцать. Серега вопросительно взглянул на Ивана. Тот пожал плечами.

– Я пойду, пожалуй, – неуверенно проговорил Серега, – а ты не расстраивайся. Может, она себя неважно почувствова-

ла. Или прилегла и заснула, такое бывает, особенно в больнице. После обеда наверняка объявится.

Иван молча кивал. На сердце у него было беспокойно. Хотелось, чтобы Серега наконец ушел. Тогда можно будет сходить в корпус, разыскать там Лидию и выяснить, что случилось.

Он проводил Серегу до ограды и снова вернулся на скамейку. Лидии по-прежнему не было. Он ходил взад-вперед, ругая себя на чем свет стоит. Что за дурак старый, целую неделю общался с человеком и не догадался взять ее номер! Сейчас бы позвонил и не нужно было бы волноваться.

Все же Иван решил в корпус к Лидии не ходить, подождать до вечера. Мало ли почему она не пришла? Может надоело ей, устала. Или действительно прилегла после завтрака да и задремала.

Небо нахмурилось, начал накрапывать дождик, сначала мелкий, потом все сильнее. Иван, ежась на ветру, поспешил в свой корпус. Все время до полдника он провел, глядя в окно, из которого была видна мокрая одинокая скамейка. К пяти часам дождь кончился, и Иван, как часовой, снова нес вахту под кленами. Лидии не было. Он ждал ее до темноты. Несколько раз подходил к ее корпусу, нерешительно топтался у дверей. Его охватил страх. Он был почти уверен, что Лидии наскучило его общество, и, возможно, уже давно. Просто из-за хорошего воспитания она не стала ему этого говорить. Но, видно, терпение ее сегодня кончилось. А может, ее

выписали и она ничего не сказала ему и по-тихому исчезла...

Ивана охватило отчаяние. Вконец замерзнув, он наконец ушел в корпус и поднялся к себе на этаж. Дежурная сестра отругала его за слишком долгое отсутствие.

– Распустил вас Антон Александрович, ведете себя точно на курорте, хочу ушел, хочу пришел. Это больница, а не отель пять звезд.

Иван молча выслушал замечания и пошел в палату. В окно робко заглядывал молодой месяц, сосед мирно спал. «Как же так, Лидия, – думал Иван, опершись локтями на широкий подоконник и обхватив руками голову. – Где же ты? Где ты, милая Лида?»

Утром он почувствовал себя совсем неважно. Заколело сердце, разболелся затылок. Дежурная сестра измерила давление и покачала головой:

– Высокое. Хотите, уколою? Но потом нужно полежать.

– Не хочу. – Иван поспешно выдернул руку из манжеты. – Я сам. Я так.

Он почти бегом вышел из процедурного кабинета. На улице было ветрено. За ночь клен лишился половины своей листвы, и оголенные ветви одиноко чернели на фоне серого, обложенного тучами неба. Он терпеливо ждал, но Лидии и след простыл. Иван наконец решился. Зашел в корпус, подошел к справочному окошку.

– Не подскажете, в какой палате лежит Лидия Лебедева?

Пожилая регистраторша в очках долго смотрела в экран

компьютера. Потом недовольно покачала головой.

– Нет такой.

– Как нет? Она у вас лежала, еще позавчера!

– Нету. Может в другом корпусе?

– В этом! – не унимался Иван. – Я сам ее провожал сюда целую неделю. А вчера она не пришла на скамейку. Я волнуясь, может случилось чего?

– Мужчина, тут больница, а не дом свиданий, – сердито проговорила женщина. – Говорю вам, никакая Лидия Лебедева у нас не лежит. Вы что-то напутали. И время уже позднее!

– Но что же мне делать? – в отчаянии произнес Иван.

– Спросите завтра в приемном отделении. Там сведения обо всех больных. Наверное, вы все-таки перепутали корпуса. А сейчас идите к себе, увидит вас тут начальство, меня уволят.

Иван нехотя отошел от окошка. Он был в полном недоумении. Не мог же он сойти с ума – он семь дней подряд видел, как Лидия заходила в стеклянные двери. Видел, как улыбалась ему и махала рукой. И ему говорят, что она здесь не лежит?

Он едва вытерпел ночь, а наутро в десять, сразу после обхода, был уже в приемном. В новом окошке теперь уже молодая симпатичная девушка, быстро проглядев экран, бодро объявила:

– Нету Лидии Лебедевой. Есть Татьяна Лебедева, в трав-

матологии, есть Лидия Каркадзе, в гинекологии. Лидии Лебедевой нет.

– Да как же так? – не выдержав, взорвался Иван. – За кого вы меня все тут держите? Мне нужен человек, женщина! Она была здесь, в этой вашей чертовой больнице! Смотрите внимательней!

– Я смотрю внимательно, – спокойно проговорила девушка. – А вы, если не прекратите хулиганить, будете иметь дело с охраной.

Она кивнула на здоровенного двухметрового парня, стоявшего у входа. Иван кое-как взял себя в руки.

– Пожалуйста, я прошу вас! Не сердитесь, я не хотел вас обидеть. Посмотрите еще. Лидия Лебедева, 45 лет. Она должна лежать в кардиологии.

Девушка покачала головой. Иван отошел от окошка, чувствуя, как сжимается сердце и стучит кровь в висках.

– Мужчина! – окликнул его негромко чей-то голос.

Он вздохнул и обернулся. У колонны стояла седая старушка санитарка в белом халате, в руках у нее была стопка историй болезни.

– Вы меня? – растерянно спросил Иван.

– Вас. Вы ведь ищите Лидию Лебедеву?

Взгляд у старушки был спокойный и доброжелательный. Иван подошел к ней и встал рядом.

– Да, ищу. Вы ее знаете? Знаете, где она?

Санитарка сделала рукой жест, предлагая следовать за

ней. Они отошли чуть дальше в коридор, где было меньше народу.

– Где она? – Иван с надеждой посмотрел на старушку.

– Лидия Лебедева умерла, три года назад. Она лечилась во второй кардиологии, у нее был порок сердца.

– Что?! – Иван невольно покачнулся и ухватился за крашеную стену. – Я... я не понимаю.

– А что тут понимать? – все так же спокойно проговорила санитарка. – Лидия Лебедева мертва. Давно. Ты кто ей будешь? Знакомый?

– Знакомый, – заикаясь, пробормотал Иван.

– Что ж ты раньше не пришел, знакомый? – Старуха посмотрела на него с укоризной. – Она долго болела, с полгода. И никто ее не навещал, ни одна душа. А теперь что... – Она махнула рукой и хотела идти, но Иван схватил ее за халат.

– Этого не может быть!

– Чего?

– Я видел Лиду живой и здоровой. Только позавчера вечером видел! Она ушла в свой корпус. И исчезла! Она не могла умереть три года назад! Это бред!

Старушка покачала головой:

– Э, милый, а я смотрю, ты не в себе. Откуда ты такой явился?

– Тут у вас лежу.

– Не в неврологии, часом?

– В гастроэнтерологии.

– Небось пьешь? – Санитарка кивнула понимающе.

– При чем тут пьешь? Мне нужна Лида! Я не могу без нее.

– Померла твоя Лида. Раньше думать надо было.

С этими словами старуха вырвала халат из рук Ивана и ушла. Он постоял немного, оглушенный, и нетвердой походкой двинулся в свой корпус.

У крыльца стоял Серега, Иван машинально заметил, что тот оделся понарядней, и ботинки у него сверкают гуталиновым блеском. «Это он на Лидию впечатление хочет произвести», – мелькнуло у него в голове. На Лидию... А Лидии нет. Он сходит с ума, неделю общался с женщиной, которой три года как нет на свете. Успел влюбиться в нее...

– Привет! – Серега радостно замахал ему и бросился навстречу. – Ну что, нашел свою зазнобу? Познакомишь?

Иван отрицательно мотнул головой.

– Нет? – разочарованно протянул Серега. – Почему? Боишься, что я ее уведу? Так ведь ты ж мой дружбан, я ни-ни. Только гляну одним глазком.

– Я сказал, нет. – Ивану показалось, что асфальт под ногами качается.

Лицо Сереги стало двоиться у него перед глазами.

– Эй, ты чего? – Цепкая Серегина пятерня легла ему на плечо. – Ты серый весь. Нехорошо тебе? Что стряслось? Где ты был?

– Лидию... искал... – задыхаясь выдавил Иван.

– И что?

– Умерла она.

– Как умерла? – Глаза Сереги едва не выскочили из орбит. – Когда?

– Три года назад.

Воцарилась многозначительная пауза.

– Ты вот что, Ваня... – голос Сереги стал вкрадчивым и тихим, – пойдём... пошли, я тебя в палату... ты выпил, что ли? Вроде не пахнет. – Он принюхался и, взяв Ивана под руку, решительно потащил к дверям. – Идем, идем. Тебе надо прилечь. Нехороший ты.

Иван послушно шел рядом, едва перебирая ватными ногами. Вокруг него все кружилось, звуки становились тише и тоньше. Он словно во сне зашел в лифт, вышел оттуда, добрался до палаты. Серега заботливо уложил его в кровать.

– Лежи. Я за доктором.

Иван прикрыл глаза и провалился в свинцовую мглу...

– Нет, вы только подумайте! Все лечение коту под хвост. – Маша в отчаянии смотрела то на Ивана, лежащего в кровати, укрытого одеялом до подбородка, то на Борьку, стоящего рядом. Тот кивал, всем своим видом показывая осуждение и согласие с сестрой.

– Его тут лечат-лечат, а он за старое! Как только тебе не совестно, пап! – Маша сердито всхлипнула и отерла глаза.

– Тебе нельзя пить! У тебя операция была! Как ты не понимаешь?

– Да говорю же, не пил я, – слабым голосом пробормотал Иван. – Вот вам крест, не пил.

– А что тогда бред несешь? Про женщину, которая умерла три года назад, а ты с ней якобы сейчас познакомился? Нечего тут глазами хлопать, твой приятель все рассказал. Сказал, что нашел тебя в полуобморочном состоянии, и ты твердил про какую-то Лидию из гинекологии...

– Из кардиологии, – мрачно поправил Иван.

Он готов был задушить Серегу – болтун хренов! Дернул же черт рассказать ему про Лидию...

Иван сурово посмотрел на детей.

– Это не бред. Это правда.

Маша устало уронила руки.

– Ну вот, опять. Ты хоть понимаешь, что убиваешь се-

бья? Давление зашкаливает, кардиограмма плохая. Того гляди, язва опять откроется. Откуда эти галлюцинации? Впору тебя в психиатрию переводить.

– А лучше сразу в наркологию, – подала голос Зойка, которую Иван не сразу заметил. Она пряталась за спиной у Борьки и теперь выскочила вперед. – Надо решать вопрос ребром. Не хочет жить по-человечески, будем кодировать.

Маша поморщилась.

– Подожди ты, кодировать. Я еще сегодня с врачом поговорю. И ведь надо же, уже хотели выписывать его, так на тебе.

Иван слушал споры по поводу себя и понимал, что ему до лампочки. Все они ему до лампочки, со своими нотациями, с глупыми подозрениями. Ему нужна Лидия. Не может быть, чтобы она умерла или чтобы ее вовсе не было, а он ее придумал в своем больном воображении. Она была. И есть. Надо найти ее. Но говорить никому ничего не стоит, иначе его просто-напросто закроют в психушке.

– Пап, ну что ты молчишь? – Маша снова смахнула слезы. – Обещай, что будешь умницей. Доктор тебе назначил новые уколы, успокоительные. Ненадолго, дней на пять. Ты лежи в палате, не выходи на улицу, холодно уже, дожди. Через пять дней мы тебя заберем домой. Надеюсь, за это время тебе станет лучше.

Иван упрямо молчал.

– Да что с ним разговаривать, – досадливо проговорила

Зойка и сощурила густо подведенные глаза. – В наркологию и под капельницу...

Маша нагнулась, поцеловала Ивана. Затем вышла из палаты, увлекая за собой брата и его жену.

Днем пришел Трефилов.

– Ну что вы, Иван Павлович? Расстраиваете детей. Дочка ваша плачет все время. С чего вдруг у вас галлюцинации?

– Нет никаких галлюцинаций, – доверительно проговорил Иван. – Вы... может, вы ее помните? Лидия Лебедева, лежала тут у вас в соседнем корпусе три года назад.

Трефилов помолчал, морща лоб.

– Нет, не помню такой. В любом случае чудес в этой жизни не бывает. Женщина, умершая три года назад, не могла с вами сейчас гулять во дворе. Вы это понимаете?

Иван видел, что врач относится к нему без пренебрежения, по-доброму и даже с пониманием.

– Но я же... я видел ее. Держал за руку. Поил кофе. Не мог же я все это сам себе выдумать?

Трефилов похлопал его по одеялу.

– Человек – создание хрупкое. А его психика – вещь вообще до конца неизученная. У вас был сильный стресс от смерти жены. Да еще тяжелая болезнь. В таком состоянии возможно все.

– То есть вы считаете... Лидия мне привиделась?

– Только так, дорогой мой, только так. Еще раз повторяю – чудес на свете не бывает.

С этими словами Трефилов поправил на Иване одеяло и вышел из палаты. Вскоре пришла сестра и сделала ему укол.

На Ивана навалилось отчаяние. Оно было еще чернее и беспросветнее, чем после смерти Нины. Лидии нет. Он сам себе ее придумал. Но как тогда быть со словами старой санитарки? Совпадение? В конце концов, на свете огромное количество женщин, носящих имя Лидия Лебедева. Одна из них действительно могла три года назад лежать в кардиологии. А Иван, видимо, слышал где-то подобное сочетание имени и фамилии, и теперь неожиданно они всплыли в его памяти вот таким причудливым образом.

Время тянулось медленно, по каплям, ненужное теперь, пустое время. Не надо никуда идти, нечего ждать, не на что надеяться. Иван все время спал. Возможно, сонливость была побочным действием уколов. А может быть, так его мозг спасался от глубокой душевной травмы. Он не понимал, сколько дней прошло. На улицу его не выпускали, он сидел в палате. Когда не спал, вставал и смотрел в окно, плачущее дождливыми каплями. Клен совсем облетел, на асфальте пузырились лужи. Скамейка казалась черной, на ее спинке сидели голуби, мокрые и сердитые.

Соседа выписали, и Иван остался в палате один. Он бродил взад-вперед по тесному четырехметровому пространству, как узник по тюремной камере. Перед глазами его стояла Лидия, ее бледное лицо, каштановые волосы, грустные зеленые глаза, тонкие кисти. Он не мог ни есть, ни спать,

только все думал, понимая, что именно так и сходят с ума.

В какой-то момент Иван почувствовал, что смертельно устал. Ему захотелось лечь и ничего больше не видеть и не слышать. Он залез под одеяло, закрыл глаза. На него тут же навалился полубред-полусон. Лидия. Она шла по темному двору к нему навстречу. На губах была улыбка. В спину ей что-то ярко светило, не то фонарь, не то луна. Силуэт ее на фоне этого света казался четким, точно нарисованным тушью.

– Лида! – прошептал Иван, не веря своему счастью. – Ты не призрак! Ты есть. Ты пришла...

Она продолжала двигаться ему навстречу, он протянул к ней руки. Оставалось всего десять шагов, не больше. Внезапно свет погас, наступила тьма. Он больше не видел ее.

– Лида! Ты где? Пожалуйста, не исчезай! Пожалуйста!

Иван напрягал глаза, стараясь разглядеть что-нибудь в кромешной мгле, но вокруг была пустота.

– Лида-а! – крикнул он и очнулся...

В палате было светло. Яркий свет полной луны бледно-золотым потоком вползал в окно и спускался на стены и пол. Иван, мокрый от пота, сел на кровати. Его охватило какое-то невероятное лихорадочное возбуждение, руки дрожали, во рту было сухо. Он с трудом встал и сделал шаг к окну. Голова кружилась, ноги были ватными. Но он все же добрался до подоконника и выглянул во двор. В ярком лунном свете хорошо была видна скамейка. Дождь закончился, сильный

ветер низко нагибал обнаженные ветки клена.

Иван, не отрываясь, смотрел и смотрел сквозь стекло. Внезапно ему стало казаться, что на скамейке кто-то есть! Он отчетливо различил хрупкую темную фигурку, скрючившуюся на конце лавочки. Сердце его скакнуло вниз и заколотилось бешеными ударами. Лидия?! Это она? Фигурка шевельнулась, он мог поклясться, что различает очертания женского тела – голова в беретке, пальто, нога закинута за ногу.

В следующее мгновение Иван выбежал из палаты. Коридор был пуст, на посту дремала пожилая медсестра, Оксана Степановна. Иван на цыпочках прокрался мимо нее. Вышел на лестницу. Он молил Бога только об одном – чтобы дверь корпуса оказалась открытой. На его счастье, она была заперта на щеколду. Иван тихонько отодвинул засов и шагнул на залитое лунным светом крыльцо. Тут же на него налетел порыв ветра, едва не сбив с ног. Иван ощутил, как его пронизывает насквозь холод, но, не обращая на это внимание, двинулся по асфальтовой дорожке к скамейке. Шаг, еще шаг. Он уже хорошо различал знакомое, родное лицо, видел красные пуговицы на черном пальто, каштановые кудри, выбивающиеся из-под берета.

– Лида! – Он бросился к ней, едва не упал, остановился у края скамейки, пораженный, счастливый до глубины души.

– Тихо! – Она приложила палец к губам.

– Это ты? Где ты была? Я искал тебя! Мне сказали, тебя

здесь нет. Мне сказали... сказали ты умерла... давно... Лида, милая! Я ничего не понимаю... – Иван сел на корточки перед ней. Он целовал ее туфли, прижимался щекой к колючей шерсти пальто.

– Тихо, – повторила она еще раз и провела ладонью по его волосам. – Сядь. Садись.

Иван послушно сел рядом, пожирая ее глазами.

– Объясни мне! Что происходит? Куда ты делась?

– Это трудно понять, – тихо сказала Лидия.

– Объясни, я пойму, – проговорил он.

– Тебе сказали правду, – все таким же едва слышным, шестящим голосом произнесла она.

– Какую правду? Кто сказал?

– Санитарка. Тетя Даша.

– Санитарка? С картами которая?

Лидия кивнула.

– Она сказала, что ты умерла три года назад, а до этого лежала в кардиологии!

Лидия смотрела на него и молчала. Он тоже молчал.

– Ты что... ты хочешь сказать, что...

Он протянул руку и дотронулся до ее плеча. Ощутил под пальцами живую плоть и улыбнулся.

– Но ты же не призрак? Это бред. Я могу дотронуться до тебя. Я тебя вижу.

– Теперь это можно сделать только ночью. И только при полной луне.

Он смотрел на нее, округлив глаза.

– Почему?

– Послушай, я умерла три года назад. Я призрак, привидение. Меня нет. Ты утром проснешься – и меня не будет. Мы можем видеться только раз в месяц по ночам.

– Раз в месяц? – Иван с трудом дышал. – Разве бывают привидения?

– Как видишь. – Лидия слабо улыбнулась.

– Плевать, – произнес он и тоже улыбнулся. – Хоть ты призрак, хоть кто. Мне все равно. Я... я люблю тебя. Лида, я тебя люблю, ты все, что есть у меня в жизни.

– Какой же ты глупый, Ваня, – она пристально заглянула ему в глаза, – как можно любить того, кого нет?

– Но ты же есть! Ты говоришь со мной!

Иван чувствовал, что замерзает. Его бил озноб. Пальцы оледенели. Но он продолжал сидеть и словно зачарованный смотрел на Лидию. Она что-то шептала, он почти не разбирал слов. Его охватила эйфория. Пусть они там все хоть лопнут, он ее нашел! Вот она, рядом. Он никуда ее не отпустит, досидит с ней до рассвета, дождетя, пока луна исчезнет. И они будут вместе. Всегда, всегда...

– Всегда, – пробормотал Иван и облизал пересохшие губы. У него зуб на зуб не попадал.

– Ты бредишь, – испуганно проговорила Лидия. – Ты... – Она приложила руку ему ко лбу. – О господи, ты как кипяток. Зачем... – она не договорила и с тоской оглянулась по

сторонам.

– Лидия... – продолжал бессвязно бормотать Иван.

Ему показалось, что ночь кончается, он схватился за ее руку, тоже ледяную.

– Я не пушу тебя... не отдам... не...

Порыв ледяного ветра заткнул ему рот. В груди возник ком и начал разрастаться, не давая сделать даже малейший вздох. Иван больше не видел Лидию, он ничего не видел. Все утонуло в белом тумане. Он почувствовал, что его тело стало невесомым, отделилось от земли и точно плывет по воздуху. А дальше все растворилось и угасло.

Снова над ним был белый потолок. Но было тихо, ни звука. Только что-то тикало мерно и навязчиво. Иван хотел окликнуть Лидию, но изо рта вырвалось лишь хриплое мычание. Дышать было тяжело и больно.

– Молчите. Вам нельзя говорить, – над ним склонилось женское лицо в маске.

Иван все же вздохнул с трудом и услышал явственный свист. Тиканье продолжалось, и он понял, что тикает у него в голове. Женщина обтерла его лоб марлей и поднесла к пересохшим губам ложечку с водой.

– Пейте. – Он послушно глотнул и тут же зашелся хриплым неудержимым кашлем. – Пневмония у вас, двухсторонняя, крупозная, – с жалостью сказала женщина, – трое суток были без сознания. В рубашке, видно, родились. Санитар вас во дворе нашел, ночью на скамейке, раздетого, полумертвого. Еще пятнадцать минут – и не вытащили бы.

Иван молча слушал, как свистят его легкие. Ему отчаянно хотелось спросить про Лидию, но страшная слабость парализовала все его существо. Он прикрыл глаза.

– Спице, – сказала врач. – Постепенно оклемаетесь. Организм у вас крепкий, несмотря на возраст. Выкарабкаетесь.

Она что-то еще говорила, но Иван уже не слышал этого, погрузившись в спасительный сон.

Он пробыл в реанимации неделю. Постепенно уколы и капельницы сделали свое дело – температура, долго державшаяся на максимальной отметке, поползла вниз, свист в груди прекратился, кашель сделался влажным, и стало возможно без боли делать вдох и выдох.

Каждый день к нему приходила Маша, молча сидела рядом, смотрела грустными глазами. Пару раз приехал Борька, неловко топтался рядом с высокой реанимационной кроватью, вздыхал, теребил только-только отпущенную светлую бородку. Заходил и Трефилов. Он выглядел подавленным и виноватым.

– Ну как же так, Иван Павлович? Недооценили мы ваше состояние, надо было смотреть за вами лучше. Не засни Оксана, вы бы не выскочили на улицу в холод в одной рубашке.

Его тон был настолько искренним и ласковым, что Иван растрогался почти до слез. Вот ведь какой человек, добрая душа. Слова худого не скажет, несмотря на то что Иван его под монастырь подвел своей ночной прогулкой: случись что нехорошее, врачу пришлось бы отвечать. Да и жалко трудов, потраченных на его лечение от язвы.

Иван невольно пожалел, что его сын не Антон Александрович, а Борька, равнодушный и слушающий лишь свою Зойку.

Трефилов еще немного посидел, рассказал пару смешных анекдотов, оставил у Ивана на тумбочке два румяных яблока и ушел.

Иван всех слушал, всем кивал, послушно подставлял руки под капельницы, а зад под уколы. Но в голове его зрели неведомые никому планы. Он думал, как ему отыскать Лидию. Видимо, она действительно призрак, но что это меняет? Они нужны друг другу; если она может приходить к нему в этот мир – значит, они могут встречаться.

Если бы мысли Ивана кто-то озвучил, всем без исключения было бы ясно, что это мысли сумасшедшего. Допившегося до чертей, до белочки, человека. Однако самому ему так не казалось. Он отлично помнил на ощупь пальцы Лидии, в ушах у него звучал ее голос, перед глазами стояло красивое бледное лицо. Она была для него реальностью, чудесной реальностью, которую нельзя потерять ни за какие коврижки.

Иван терпеливо ждал. Его перевели в палату. По ночам он вставал и смотрел в окно на совсем юный растущий лунный серп. Смотрел, как он крепнет, наливается округлостью.

Наконец наступило полнолуние, но Лидии на скамейке не было. Он смотрел в окно три ночи напролет. Пусто.

Луна начала спадать. Ивана стали готовить к выписке. В начале ноября приехал Борька на машине, погрузил два огромных пакета и спортивную сумку – все, что накопилось за время болезни Ивана, – в багажник, посадил отца и увез его из больницы.

В первые дни квартиры казалась Ивану чужой и слишком просторной по сравнению с крошечной тесной палатой. Маша жила в бывшей детской, по утрам готовила ему кашу, в обед заставляла есть протертый суп и ревностно следила за тем, чтобы он принимал таблетки, прописанные Трефиловым от язвы. Она была печальной и молчаливой, на вопрос Ивана, надолго ли еще она останется, отвечала, что нет, ненадолго.

– Мне домой надо. Меня там семья ждет. Вот только как я тебя здесь оставлю такого? – Она вздыхала и уходила в комнату звонить домой.

Иван машинально пытался прислушаться к ее разговорам, но Маша говорила по-английски, ни черта не разобрать.

– А что твой Генрих, совсем по-русски не умеет? – спросил он как-то у дочери.

Она в ответ пожала плечами:

– Умеет. Но зачем ему это? Мы общаемся на его родном языке, – вздохнула в очередной раз и добавила: – Если тебе мешает, я могу дверь прикрыть.

Ивану, однако, Машины разговоры были по барабану, он весь был сконцентрирован на своем.

В первый же день пребывания дома он достал старенький Нинин ноутбук, зашел в поисковик и набрал слово «при-

зрак». Тут же ему выскочило огромное количество ссылок. Иван придирчиво проглядел с десяток и остановился на эзотерическом форуме, который назывался довольно зловеще: «Мертвые среди нас». К его радости, на форуме общались и делились впечатлениями такие же страдальцы, как он. К многим приходили умершие близкие, кто-то познакомился со своей второй половинкой, а она оказалась из потустороннего мира – ну прямо совсем как у Ивана.

Он с головой ушел сначала в чтение, а затем и в переписку. Чтобы участвовать в диалогах, необходимо было зарегистрироваться. Иван с компьютером был на «вы», ноутом увлекалась исключительно Нина, а самому ему было лень вникать в премудрости типа авторизации и прочих деталей. Помыкавшись без результата в течение нескольких дней, он все же скрепя сердце решил обратиться за помощью к Маше. Та подошла, склонилась над ноутбуком, глянула на экран, потом на Ивана.

– Это еще что? Что за дикость?

Иван молчал, опустив глаза.

– Я не буду тебя здесь регистрировать, – твердо сказала Маша. – Ты чуть не умер из-за своих видений, тебя с того света вытащили. Неужели ты думаешь, что я своими руками устрою так, чтобы ты окончательно спятил?

– Ну не хочешь, как хочешь, – упрямо проговорил Иван. – Я все равно зарегистрируюсь, Серегу попрошу, он в компах шарит.

Маша в задумчивости стояла рядом и молчала. Иван пошевелил мышкой и принялся в сотый раз вводить логин.

– Дай сюда. – Маша взяла мышь из его руки. – Отойди, я сяду.

Иван, не веря своему счастью, поспешно вскочил. Он наблюдал за тем, как Маша ловко и быстро печатает буквы и цифры.

– Вот, можешь теперь переписываться. – Она указала на экран, на котором светилась вожаделенная надпись «Добро пожаловать». – Тут нужно было придумать ник, ну, прозвище. Я записала тебя как Жана.

– Господи, да хоть Мухомором! – Иван уселся за стол. Руки его дрожали от нетерпения.

– Смотри, – строго предупредила Маша, – не вздумай ничего предпринимать из того, что тебе там будут советовать. Читать читай, если тебе от этого легче, а из дома я тебя никуда не выпущу. Понял?

– Понял, – с готовностью кивнул Иван.

Его глаза уже скользили по строчкам, пальцы бегали по клавишам. Маша вздохнула и ушла. Иван набрал сообщение.

«Кто здесь влюблен в призрак? Есть такие?»

Минуту никто не отвечал. Потом посыпались эсэмэски: «Я влюблена», «Я встречаюсь с призраком», «Ко мне по ночам является дух моей девушки, она погибла в автокатастрофе». Иван лихорадочно перечитывал послания, не зная, с кем начать переписку. Наконец он выбрал какого-то Лео, ко-

торый сообщал, что встречается с любимой в ночь полнолуния.

Поглощенный общением, Иван не заметил времени. Когда он пришел в себя, оказалось, что уже вечер. Маша позвала его ужинать.

– Тебе вредно столько времени проводить за экраном. – Она внимательно глядела на Ивана. – Ты бледный, и глаза покраснели. Я жалею, что помогла тебе с этой чепухой.

Иван и сам чувствовал, что устал. К тому же переписка с Лео не принесла ему желаемого облегчения. Ничего конкретного тот ему не сообщил, писал общие фразы, слог у него был выпященный, сложный для Иванова восприятия. Он, однако, питал надежду на то, что завтра поближе познакомится с другими своими корреспондентами и среди них найдется кто-то более интересный и продвинутый в области привидений. Но назавтра все было точно так же, с той лишь разницей, что Иван почти целый день переписывался с девушкой под ником Ариэль. У той случился роман с призраком, пока она отдыхала в Турции. С тех пор бедняжка страдала и никак не могла забыть своего призрачного мужчину, который являлся к ней каждую ночь в номер пятизвездочного отеля.

Пообщавшись еще с двумя такими же абонентами, Иван пришел к выводу, что все они просто-напросто больные на голову, несчастные люди, полностью ушедшие из реального мира в вымышленный и живущие бесплодными грезами. Но

ведь у самого него все не так! Лидия действительно существует, возможно, ей нужна его помощь, ее надо разыскать во что бы то ни стало. Но как?

Иван вяло съел приготовленный Машей обед, лег на диван и задумался. Включенный ноут тихо пощелкивал – это продолжали приходить новые сообщения с форума. Иван прикрыл глаза, стараясь воссоздать в воображении образ Лидии. Ее лицо тут же возникло перед ним, как живое. Сердце сжалось от пронзительной боли. Иван немного полежал, не выдержал и подошел к столу. Глянул на экран, словно в нем было спасение от острой душевной боли. Поколебался и открыл последнее сообщение.

«Добрый вечер, Жан. Мое имя Ночной дух. Я могу вам помочь соединиться с возлюбленной».

Рука Ивана дрогнула, мышка щелкнула на сообщение, и оно исчезло.

«Пропало!» – с ужасом подумал Иван и стал лихорадочно шарить во вкладках.

Сообщение нашлось в корзине. Иван трясущимися руками извлек его оттуда, перечитал несколько раз и написал ответ: «Я буду очень признателен. Что нужно делать?»

Абонент ответил довольно быстро. «Сходите на кладбище, накопайте немного земли, киньте горсть в ближайший проточный водоем, остальное оставьте на пешем перекрестке. Подождите два дня. Потом выходите во двор при любой луне – ваша подруга будет вас ждать там».

Иван, шевеля губами, снова и снова перечитывал послание. Звучит убедительно. Во всяком случае, чувствуется почерк знатока, а не сопливых мальчигов и девочек, страдающих от одиночества и неразделенной любви.

Он открыл страничку Ночного духа. На аватарке была изображена черная летучая мышь, на заднем плане сияло небо, усыпанное крупными звездами. Иван несколько минут разглядывал страничку, потом подумал и написал: «Спасибо. Так и сделаю». Тут же пришел ответ: «Удачи!»

Иван вышел с форума, закрыл ноутбук и вернулся на диван. Он был готов последовать совету Ночного духа, но нужно было обдумать детали. Например, как ночью идти на кладбище? Маша его и днем-то из дому не выпускает, а ночью? Да и страшновато как-то. Иван тут же одернул себя. Чего ему бояться? Он и так дважды был на волосок от смерти, так неужели Лидия не стоит того, чтобы рискнуть ради нее!

Иван открыл на телефоне карту, нашел ближайшее кладбище. Идти до него от дома было минут двадцать быстрым ходом. Можно, конечно, вызвать такси. Иван решил, что так и поступит. Оставалось придумать, как быть с Машей. Если дожидаться, пока она уснет, можно, наверное, потихоньку выйти из квартиры. На все про все часа полтора, и потом он должен вернуться. Даже если Маша за это время проснется – ну что она может сделать? Начнет звонить ему, ругаться. Все это терпимо, можно пережить. Зато он добудет земли для обряда.

Иван совсем успокоился, ему стало хорошо, легко. Он с аппетитом поужинал и лег спать, поставив будильник на три часа ночи.

Он проснулся тотчас же по сигналу. Быстро вырубил звонок, чтобы не разбудить Машу. Крадучись пробрался в прихожую, оделся, не зажигая света, и потихоньку вышел на площадку. Спустился во двор, вызвал такси. Чтобы не пугать водителя, Иван назвал ближайший адрес, от которого до кладбища было рукой подать. Таксист высадил его посреди ночной улицы, на прощанье окинув подозрительным взглядом, и умчался во тьму.

Иван медленно подошел к ограде. Это было старое церковное кладбище, на котором давно никого не хоронили. Вокруг не горел ни один фонарь. Иван зашел в калитку и в растерянности остановился. Он прихватил с собой контейнер для земли и небольшой садовый совок, которым Нина рыхлила горшки с цветами на балконе. Не зная, куда идти, Иван почти на ощупь двинулся куда-то вбок. Дошел до ближайшей могилы, опустил на корточки и почувствовал, как кружится голова. Преодолевая слабость и подкатывающую к горлу тошноту, он достал совок и ковырнул им промерзшую землю. Отбросил в сторону первую горсть и продолжал копать.

В кармане куртки завибрировал телефон. Иван вздрогнул и остановился. Маша! Проснулась и обнаружила, что его нет. Он засуетился, бросил совок, вытащил телефон. На экране

светилась надпись: «Сергеа». Какого черта ему нужно ночью? Иван с досадой сбил вызов и вонзил в землю совок. Экран вновь осветился и угрожающе зарычал.

Иван вдруг опомнился. Встал с земли. Ноги у него дрожали, лоб покрылся холодным потом. Что это с ним? Что он делает? Роет ночью чужую могилу на кладбище! Да это настоящее безумие.

Телефон зазвонил в третий раз.

– Да, – хрипло проговорил Иван.

– Привет, Вань, – гаркнул ему в самое ухо Сергеа. – Не спишь?

– Н-нет.

– Вот и я не сплю, – обрадовался Сергеа. – Трубы горят. Ты как, братан? Как себя чувствуешь?

– Нормально чувствую, – пробормотал Иван. – Ты днем не мог позвонить?

– Дак спал я днем. Отключился, да и продрых до половины второго. А теперь бессонница замучила. И выпить охота, просто страсть. Может, ты того... приедешь? Посидим по-человечески. А?

Иван не удержался и нервно хохотнул. Видел бы его сейчас Сергеа, во мраке, посреди могил, с совком в руках.

– Что ты смеешься? Надо мной? – обиделся Сергеа. – Так это напрасно. Я ж к тебе, как к другу...

– Да нет, не над тобой. Это я так, о своем. Не приеду я, брат, не могу. Дочка не отпустит. – Иван облизал пересох-

шие губы.

– А, дочка... да, она у тебя строгая, – согласился Серега. – Ну, прошу прощенья. Пойду приму снотворное в гордом одиночестве.

– Не переборщи только, – предупредил его Иван.

– Постараюсь.

Серега отключился.

Иван выдохнул с облегчением. Глаза его привыкли к темноте, и он поглядел на заполненный землей контейнер. Ему стало стыдно и жутко. Он ударом ноги отшвырнул контейнер в кусты, туда же кинул совок и медленно поплелся обратно к воротам. Через пятнадцать минут другое такси доставило его к дому.

Едва он сунул ключ в замочную скважину, дверь распахнулась. Маша в халате поверх ночнушки стояла перед Иваном, вид ее не предвещал ничего хорошего.

– Ты где был?

– В магазине. – Иван попробовал улыбнуться, но губы его не слушались. У него получилась лишь кривая ухмылка.

– В каком еще магазине? Ночь на дворе!

– Тут недалеко круглосуточный, – пробормотал Иван, чувствуя себя идиотом.

Маша молчала, глядя на него в упор. Лицо ее в тусклом свете прихожей казалось мертвенно-бледным.

– Понимаешь, – все тем же виноватым тоном, продолжил Иван, – селедки захотелось, прямо мочи нет.

– Селедки? В три часа ночи? Пап, ты спятил? – Маша резко повернулась и пошла от него в комнату, на ходу бросив: – Немедленно раздевайся и в постель.

Хлопнула дверь. Иван покорно снял куртку и ботинки и пошел к себе. В голове стучал молот, ладони были мокрыми и холодными. Он залез под одеяло, его знобило, как при температуре. Он сам не понимал, как мог проделать весь этот фортель с кладбищенской землей.

Постепенно он согрелся, успокоился немного и наконец уснул.

Проснулся Иван лишь к полудню. Сначала ему показалось, что все произошедшее ночью – сон. Потом он увидел землю под ногтями и все вспомнил. Ему стало до чертиков совестно перед Машей, даже на глаза ей показываться было страшно. Все же Иван выполз из комнаты, постоял под душем, стараясь прийти в себя, и робко заглянул на кухню.

– А, выпался. – Маша стояла у плиты, что-то помешивая в большой кастрюле. – Я надеюсь, больше такого не повторится?

Иван кивнул и сел пить чай. Его неудержимо тянуло поглядеть компьютер – нет ли новых сообщений от Ночного духа. Маша больше к разговору о его ночном исчезновении не возвращалась, и Иван почувствовал себя слегка уверенней. Он допил чай, доел приготовленные Машей бутерброды, выпил лекарство и отправился к себе.

Сообщения были. Целых два.

«Как дела, Жан?» «Удалось ли добыть земли?»

«Нет, – ответил Иван. – Мне помешали».

Иван не стал сообщать Духу о том, что он сам ушел с кладбища и не воспользовался уже накопанной землей.

«Плохо», – лаконично отозвался Дух.

«Плохо, – согласился Иван. – Может есть более простой способ?»

«Ждите, – велел Дух, – ваша дама скоро должна появиться. Я чувствую».

«Но как я узнаю?» – забеспокоился Иван.

«Смотрите в окно».

– Пап, – раздался голос Маши, – вылезай из-за ноута, к тебе пришли.

В прихожей стоял Семен. В одной руке у него была авоська с бананами, в другой огромный торт от «Палыча».

– Ты прости, брат, не мог к тебе в больницу выбраться, на работе цейтнот плюс жена слегла с гипертонией. Два месяца как белка в колесе. Только очухался и сразу к тебе.

Они сидели в кухне, пили чай с тортом, Маша деликатно ушла, оставив их одних.

– Так-то, Палыч. – Семен дул на чай и смотрел на Ивана сквозь толстые стекла очков. – Ты молоток, выкарабкался. Не переживай, все наладится. И работку тебе подкинем, даже не сомневайся. Ты только окрепни сначала, сил наберись.

– Спасибо, Сэм. – Иван был тронут.

Ему хотелось поделиться с давним другом самым сокро-

венным. Однако он боялся. Он уже привык к тому, что все его откровения вызывают лишь жалостливую улыбку. Семен начал сам.

– Слушай, Вань, Машка твоя мне вкратце все рассказала. Ну, отчего ты второй раз в реанимацию загремел. Призрак какой-то к тебе явился. Это правда?

Иван помолчал, ковыряя ложечкой кусок торта. Потом сказал:

– Правда. Ее зовут Лидия. У нее было больное сердце, она лечилась в больнице три года назад и тогда же умерла.

– Кто это тебе сказал? – Семен недоверчиво приподнял бровь.

– Одна санитарка. Она ее помнит.

– Ну ты даешь! – Семен хмыкнул и глотнул из чашки. – Верить какой-то санитарке! Мало ли что она скажет!

– Зачем ей врать? – удивился Иван.

– Мало ли зачем. Чужая душа потемки. Вот что, я завтра пойду в больницу, схожу в архив и все узнаю о твоём призраке. А то так свихнуться раз плюнуть.

Иван печально кивнул. Семен еще немного посидел и откланялся.

Маша в комнате тихо говорила по телефону, прикрыв дверь. Ивану показалось, что он различает русскую речь. Он прислушался, но слов было не разобрать.

Он подошел к окну. В черном небе сияла луна. Иван невольно бросил взгляд на скамейку у подъезда, но там си-

дел лишь пьяный мужик с бутылкой пива. Что делать? Снова идти на кладбище? Исключено, Маша его не отпустит, да и негоже это. Последовать совету Ночного духа и каждую ночь смотреть в окно? Или дожидаться, пока Семен сходит в архив? Иван остановился на последнем. Он еще немного посидел у окна и лег спать.

Семен позвонил на следующий вечер.

– Слушай, я все узнал. В общем, санитарка твоя правду сказала. Была такая Лебедева Лидия Дмитриевна, 42 года. Действительно, лежала во второй кардиологии и действительно умерла три года назад.

– Как тебе удалось узнать? – выдохнул Иван.

– Да проще простого. Шоколадку подарил девчонке из архива. Большой шоколадку. Ну и еще кое-что. – Семен хитро усмехнулся.

– И что теперь делать? – растерянно проговорил Иван.

– Не знаю. Я бы... я бы сходил к ней домой. Посмотрел, что да как. С родными бы поговорил. С точки зрения здоровой психики то, что ты рассказываешь, невероятно. Но факт остается фактом – Лидия Лебедева действительно существовала, ты ее не выдумал.

– А это идея! – обрадовался Иван. – Вот только адрес... где его взять?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.